

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Автор: Г. ДЖИЛАРДОНИ

Предисловие переводчика. Статья итальянского социолога Г. Джилардони, увидевшая свет в журнале "Studi di sociologia" (2011. N 1), издаваемом Миланским университетом Святого Сердца, посвящена анализу взаимоотношений между двумя сопредельными научными дисциплинами - социологией и историей. Эти взаимоотношения, справедливо отмечает автор, не безоблачные, не так уж и редко исполненные междисциплинарных противоречий, коллизий и конфликтов. И в нашем отечественном общественном знании случалось, что социологи, как и представители других общественных наук, несколько свысока взирали на историю, видя в ней всего-навсего вспомогательное подспорье, призванное обслуживать дисциплины, занимавшие в научной иерархии более высокое и привилегированное положение. "Ремесло истории", по этой логике, сводилось к простому сбору исторических фактов, нередко, как огульно утверждалось, сомнительных в плане достоверности.

Ответные инвективы историков против социологов, ничуть не менее острые, не заставляя себя ждать, упрекали последних, справедливо и не очень, в увлечении абстрактно-умозрительными схемами, отчужденными от исторической конкретики, в дегуманизации исторического процесса, в умерщвлении "живой истории", в выхолащивании из нее "живого человека", в необоснованно-произвольной замене его "человеком массовым".

Автор, обозревая взаимоотношения социологии и истории, с чем сталкивались все ведущие научные школы стран Запада, выводит баланс интересов между этими двумя дисциплинами. Ее взгляд на будущее социологии и истории глубоко оптимистичен, оно видится ей как плодотворное сотрудничество на началах тесной интеграции двух дисциплин, несмотря на трудности и факторы риска несовместимости, которые сулит интеграционная перспектива. Благо что и социология, и история действуют на едином предметном поле: они обладают арсеналом оригинальных исследовательских подходов, обогащающих представления об общественной реальности, придав им многомерность.

В Италии содружество социологии и истории имеет весьма солидную научную биографию, насчитывающую по меньшей мере несколько десятилетий. Историческая социология - плод междисциплинарного содружества, - хотя и не институционализована в стране на Апеннинах как дисциплина с самостоятельным академическим статусом, но ее фактическое присутствие отчетливо различимо в других областях **социологического** знания. Так, в рамках социологии общественного мнения ведется достаточно регулярный многолетний мониторинг исторических предпочтений массовых слоев общества, с успехом развиваются **исследования** по социологии памяти. В этот цикл вписывается **исследование** Г. Джилардони, представляющее собой вклад в историческую социологию. Журнальная версия перевода публикуется в сокращении.

Коломиец В. К. Институт социологии РАН,
ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук;
E-mail: v_kolomiez@mail.ru

Аннотация. Для оптимизации процесса познания общественных явлений целесообразна интеграция разных исследовательских подходов. Возможности таковой между социологией и историей открываются благодаря междисциплинарным взаимосвязям и взаимозависимостям на эмпирическом и на методологическом уровнях. Сопряжение двух дисциплин встречало на своем пути трудности и предубеждения, факторы риска, опасения, обоснованные и безосновательные, со стороны социологов и историков по поводу возможности утраты самостоятельного дисциплинарного статуса. Отстаивается идея равновесия между историей и социологией, непротиворечивости их эпистемологических и методологических оснований, что открывает перспективу усовершенствования процесса познания общественной реальности.

Ключевые слова; социологи • история • историческая социология • исторический факт • социальный факт

В соответствии с принципом междисциплинарного подхода в настоящей статье пойдет речь о том, что для более углубленного изучения общественных явлений представляется полезной и своевременной интеграция исследовательских направлений, отличных друг от друга. Как хорошо известно, среди многих возможных вариантов интеграции в качестве одного из наиболее перспективных зарекомендовал себя тот, что осуществляется между социологией и историей. Он открывает новые горизонты исследования со многообещающими эвристическими возможностями. Бесспорно, за каждой из этих двух дисциплин признается наличие сформировавшихся эпистемологических оснований, а следовательно, четко очерченного своего собственного предметного поля исследования. Тем не менее, их интеграция на уровне гносеологии и методологии может служить, так сказать, делу создания "прибавочной стоимости", способствуя лучшему пониманию одного и того же предмета исследования. Действительно, с того момента, как между настоящим и прошлым выявлена неразрывная связь, с точки зрения социологического исследования очень трудно, не зная прошлого, понять настоящее и предсказать будущее.

Междисциплинарное взаимодействие, осуществляемое между социологией и историей, ранее уже имело место, а на сегодняшний день случается достаточно часто. Оно имеет свои стимулы и в то же время встречает на своем пути преграды по причинам либо сходства между двумя дисциплинами, либо того обстоятельства, что социология в известном смысле ведет свое происхождение от истории. Если, с одной стороны, установление взаимодействия между сходными дисциплинами приносит положительные результаты прежде всего с методологической точки зрения, то с другой - возникает опасение, что одна дисциплина слишком уж сильно вторгнется в пределы другой. Вследствие этого эвристический потенциал дисциплины - "жертвы вторжения" пойдет на спад, возникнет угроза утраты ее научного авторитета. Все эти соображения нередко создают преграды на пути разработки единого познавательного инструментария исследования.

Историческая наука зародилась в период существования древнегреческой культуры. Она имела выдающихся представителей, начиная со времен античной древности, ее путь, не зная перерывов в развитии, продолжался на протяжении многих веков. Достаточно сослаться на опыт исторических исследований Фукидида, в которых, по изначальному замыслу, сочеталось изучение отдельных фактов со всеобщими законами, или Вико, первого разработавшего стройную теорию исторических циклов. Социология с ее собственным самостоятельным эпистемологическим статусом появилась только в XVIII в., и ей сразу же пришлось столкнуться со все более усложнявшейся общественной реальностью. Таким образом, было положено начало научной дисциплине, которая смогла взять на себя бремя исследования связей и взаимозави-

симостей, обусловленностей и возможностей, единений и разобщенностей, с регулярностью заявляющих о себе в обществе [Сагг, 1966: 51].

Чтобы вкратце обозреть историю отношений между двумя дисциплинами, уместно рассмотреть вопрос на двух разных уровнях. Первый представлен областью сосредоточения научных фактов, и на его основе можно рассматривать взаимодействия и взаимозависимости, иногда даже произвольные, которые выявляются на протяжении определенного отрезка времени. Второй представлен областью методологии, и на нем рассматриваются отношения между двумя дисциплинами, выстроенные, исходя из решений вопроса о методах исследования [Gallino, 2004].

Интеграция на уровне научных фактов. Если исходить из всей совокупности взаимозависимостей, совмещений и взаимодействий, наблюдаемых на уровне средоточия научных фактов, то первый случай в данном отношении представлен так называемой исторической социологией. Она возникла во второй половине XVIII в. и имела авторитетных представителей в лице Маркса, Токвиля и Вебера. По всеохватывающей широте их работ и по способам логической организации использованных в них материалов они как раз и могут быть определены как авторы, писавшие в жанре исторической социологии, поскольку создали сочинения, ставившие целью ответы на вопросы системного характера, опираясь при этом на различные эмпирические данные.

Взаимодействия иного рода возникали в результате перегруппировки тех новых категорий исследования, которые выводились из исторических фактов, широчайшим образом использовавшихся в социологии, таких как аномия, авторитет, общественный класс, сообщество и социальный статус. Противоположным знаком отмечены исследования социологов, посвященные событиям прошлого. То были размышления о социальных истоках диктатуры и демократии Баррингтона Мура, о социальных революциях Скокпол [Skocpol, 1979; 1994], о всеобщем распаде семейных структур Андерсона [Anderson, 1971], о девиантном поведении, воплощенном в колдовстве, Эриксона [Erikson, 2005] или о польских иммигрантах в США Томаса и Знанецкого [Thomas, Znaniecki, 1968].

Самым значительным вкладом в развитие этого направления стало исследование Арчер [Archer, 1979], которая изучила развитие образования в XIX в., открыв фронт полемики с Гидденсом, критикуя его способ понимания взаимосвязи между временем и общественными процессами. Как вскоре увидим, для Арчер общественные процессы представляют собой различные моменты бурного развития и застоя, в силу чего этот английский автор устанавливает в рамках своего теоретико-методологического подхода представляющую несомненный интерес взаимозависимость между историей и социологией.

Со своей стороны, Гидденс [Giddens, 1979], для которого не существовало ни логических, ни методологических различий между двумя дисциплинами, провел исследования, которые ставили своей целью утвердить единство, существующее между историей и социологией. В той же степени идею их единства как в эпистемологическом, так и в методологическом отношениях отстаивал и Абрамс [Abrams, 1982].

Коулмэн, принадлежащий к рационалистическому течению методологического индивидуализма, также задается вопросом, как можно понять сущность и принцип функционирования некой структуры, если при этом не рассматривается ее состояние именно в тот момент, когда она только начинает претерпевать изменения. Хотя и считая, что "современные общества не являются продуктом ряда изменений и усовершенствований, произошедших на протяжении длительного периода времени" [Coleman, 2005: 704], он вместе с тем утверждает, что новая социология должна обладать способностью приспособления к структуре, втянутой в процесс изменений. Одновременно в сфере историописания находятся исследователи, которые, с одной стороны, видят в социологии надежного союзника в деле объяснения общественных явлений. Эта позиция историков обусловлена тем вниманием, которое вызывает к себе проблема повторяемости и постоянства в развитии ряда составляющих обществ-

венных процессов. А последние могут быть также выявлены в результате изучения отдельных фактов. Речь идет, в частности, об историографическом направлении, которое оформилось как школа "Анналов" под руководством Лефевра и Броделя.

С другой стороны, есть исследователи, работающие как в области истории, так и социологии, которые воспротивились этой интеграции или же, попросту говоря, посчитали ее неуместной. В социологии - это исследователи, которые выводят историю из научного обращения из-за того, что их особая концепция социологии, исповедующая идеи эволюционизма, склоняет их к неприятию истории как научной дисциплины. При этом обычно ссылаются на эмпирическую социологию, начало которой было положено Дюркгеймом, а продолжение нашла у Парсонса и Лумана. Она предполагает обобщения на основе принципов детерминизма, когда, предвидя будущее, в нем устанавливаются точно определенные причинные связи. При этом также ссылаются на мысли, высказанные Оппенгеймером, и на позитивизм социологии Спенсера, смысл которых сводится к установлению обязательных и недвусмысленных границ и прерогатив каждой дисциплины.

В историописании находятся те, кто из соображений предельно выраженной уникальности каждого отдельного исторического факта отрицает пользу изучения явлений постоянства, а следовательно, считает неуместной интеграцию между историей и социологией.

Самые свежие и наиболее убедительные примеры интеграции социологии и истории, происходящей на уровне научных фактов, в Италии - это исследования Чезарео и Ваккарини [Cesareo, Vaccarini, 2006], Джаккарди и Магатти [Giaccardi, Magatti, 2003]. Их отличает постоянство внимания к исторической перспективе, в пределах которой рассматриваются общественные явления. Первые глубоко и всесторонне исследовали в историческом плане феномен субъектности в общественных процессах, ставя своей целью его социологическое осмысление. Вторые при анализе явлений глобализации, кризиса институтов и утверждения глобального "Я", а затем - "состояния свободы в современном обществе" [Magatti, 2009] исследовали общественные явления, исходя из замысла столь детальной исторической реконструкции, которая позволяла бы наилучшим образом расположить и понять описываемые общественные реальности. В частности, прежде всего уделялось внимание историческим процессам длительной протяженности, которые восходят истоками к Новому времени, начиная с XV-XVI вв., поскольку они соотносятся со многими сегодняшними общественными явлениями, наблюдаемыми в странах Запада.

Однако, несмотря на наличие достойных примеров интеграции между двумя дисциплинами, отмеченных выше, попытки современных социологов по части более глубокого исследования и понимания исторических перемен, преобразующих общественные структуры в процессе модернизации, остаются все еще немногочисленными.

Интеграция на уровне методологии. Приступая к рассмотрению проблемы интеграции между двумя дисциплинами на уровне метода, будет уместно напомнить, что с зарождением социологии оживилась полемика относительно метода исследования, принятого в историописании. На протяжении всего прошлого столетия большой резонанс имела дискуссия о границах и прерогативах как исторического, так и социологического методов, в том числе и взаимосвязи между ними. Среди основных тем методологии истории представляют интерес соображения, касающиеся процедуры и предмета исследования, а также его результатов. В данном отношении среди этих исследований особую эпистемологическую ценность имеют труды Фуко, который, изучая проблематику психических расстройств, сексуальности, тюремного заточения [Foucault, 1963; 1988; 1991; 2005] и в более общем смысле - репрессалий, открыл генеалогический метод. Посредством его настоящее объясняется и исследуется с помощью регрессионного анализа с углублением в "ископаемые" времена, что позволяет обнаружить в вековой протяженности генеалогию общественных явлений.

По поводу предмета **исследования** особый интерес имеют соображения относительно природы исторических фактов, от которой отличают природу фактов общественной жизни. Согласно позитивистским представлениям, исторические факты - это "отдельные события или выявленные совокупности событий, которые определяются как исторические по причине их различного местоположения во времени и пространстве, и они должны быть воссозданы во всей их специфике, уникальности и неповторимости" [Dizionario di sociologia: 1235]. В соответствии с такой интерпретацией задача истории состоит в выявлении индивидуальности явлений, в то время как социология должна заниматься поиском присущего им единообразия. Таким образом, прилагается путь к противопоставлению индивидуализирующего исторического метода генерализирующему социологическому методу.

Та же самая идея была выражена несколько иначе, но тоже в кругу последователей позитивизма. Они утверждали, что долг историка - это изучение поведения человеческого существа как индивида, а долг социолога состоит в изучении его поведения с точки зрения его принадлежности к групповой общности. При таком раскладе уделом истории становилось изучение очевидных мотиваций деяний индивидов, а социологии - латентных.

И среди историков, и среди социологов нашлись противники подобной дихотомии. В социологии заслуживает внимания **исследование** Голдторпа. Еще в начале 60-х гг. прошлого века он в ходе научной дискуссии, развернувшейся в ту пору в Англии, решительным образом противопоставил себя тем, кто проводил различие между идиографической историей (**исследованием** специфического посредством описания единичных и случайных явлений) и номотетической социологией (**исследованием** общего, на основе которого можно сформулировать теоретические положения, применимые к целым категориям явлений). Голдторп, хотя и признавал различия между двумя дисциплинами, высказался, однако, в поддержку принципа, предполагающего взаимодействие между ними [Goldthorpe, 1962: 26 - 29]. Здесь уместно вспомнить, что тот же самый автор занял противоположную позицию по отношению к тем, кто, как Абрамс и Гидденс, утверждали, что история и социология - это одно и то же. Он доподлинно считал, что такая точка зрения заведомо ошибочна, поскольку в силу различий между типами используемых эмпирических источников история и социология должны рассматриваться как две разновидности интеллектуальной деятельности, отличающиеся друг от друга по своим смысловым значениям.

Для этого автора, скорее с точки зрения целей эпистемологического характера, различие между двумя дисциплинами вытекает из природы используемого документального материала, в частности, способа, которым этот материал создается. С одной стороны, существуют эмпирические основания, представленные историческими источниками, имеющими законченный вид и грешащими неполнотой содержания. С другой - есть эмпирика, которая, наоборот, отличается незаконченностью, является более исчерпывающей по своему характеру, поскольку она может быть создана непосредственно самим исследователем на основе избранных им анализа и рабочих исследовательских гипотез. В среде историков те, что горячо воспротивились подобного рода противопоставлению, вышли, как и Голдторп, из британского академического сообщества. Высказываясь по поводу мнения своего коллеги-социолога, историк Карр полагал, что "суть заключается не в том, что рассмотрение человека как индивида дает более искаженное представление, чем рассмотрение его как составного элемента групповой общности. Источник заблуждений на данный счет кроется в попытке установления разграничительной линии между этими двумя точками зрения" [Сагг, 1966:52].

Проще говоря, можно оставить термин "история" за **исследованиями**, которые относятся к прошлому человека, живущего в обществе. В этом смысле "исторические факты всегда имеют отношение к индивидам, но никоим образом не к отдельно взятым действиям, происходящим в пространстве. Они не имеют ничего общего с мотива-

циями, реальными или фантастическими, на которых, согласно представлениям этих индивидов, и основываются их действия. Исторические факты касаются отношений, которые связывают и тех, и других - и индивидов, живущих в обществе, и общественные силы, производящие своими действиями результаты зачастую разные, а нередко и прямо противоположные по сравнению с теми, что эти индивиды намеревались получить" [ibid.: 57].

Присоединяясь ко мнениям Голдторпа и Карра, есть основания считать дихотомию, имеющую хождение среди сторонников позитивизма, способом дезориентировать исследователя, навязать ему крайне ограниченное, отдающее анахронизмом видение проблемы. В самом деле, в эпоху глобальной взаимообусловленности мира ограничительное представление о связях между различными областями знания, когда научные дисциплины подвергаются "ссылке", причем каждая в свою особую, отдельную "епархию", такой подход представляется по меньшей мере не соответствующим духу времени.

Как утверждал Коулман, для того чтобы новое общественное знание могло соответствовать общественной реальности, использовать предоставляемые ею возможности, прежде всего вытекающие из глубоких и широкомасштабных перемен сегодняшнего дня, оно "должно преодолевать традиционные междисциплинарные границы, в пределах которых располагается научное знание" [Coleman, 2005: 719].

Соглашаясь с мыслью Морена, можно утверждать, что "речь идет о замещении тех идей, которые разделяют и притесняют, теми идеями, которые признают различия и устанавливают взаимосвязи" [Morin, 2001: 46]. Речь также идет о том, чтобы продвигаться по пути пересмотра самой парадигмы принципов познания, чтобы противостоять усилению несоответствия познавательного инструментария все более многомерной, "чересполосной", взаимозависимой и глобальной общественной реальности.

Прежде всего, представляется убедительной позиция, согласно которой "исторические факты и факты общественной жизни отличаются друг от друга не по их содержанию или внутренней логике, а по расположению каждой из их разновидностей под определенным углом зрения в зависимости от их рассмотрения в пределах истории и социологии. В первом случае - это диахроническая перспектива, которая рассматривает общественные явления как элементы некой последовательности, развивающейся во времени. Во втором - это перспектива синхроническая, которая рассматривает общественные явления как взаимозависимые элементы данной системы в данный момент, пребывающие в состоянии равновесия" [Dizionario di sociologia: 1236].

Речь, следовательно, идет не о различии в онтологическом статусе между фактом историческим и фактом общественной жизни, а о различии в объяснительных моделях, используемых для познания и объяснения предмета исследования, который может быть одним и тем же. С одной стороны, история описывает взаимодействие фактов в их временной протяженности. С другой - социология выявляет их одновременную взаимозависимость в границах определенного комплекса связей, образующих общественную структуру. Оба эпистемологических подхода целесообразно рассматривать как взаимодополняющие, поскольку вещи, которые можно объяснить при одном подходе, с пользой для дела могут получить более глубокое, детализированное объяснение, а иногда даже и быть опровергнуты - при другом. Это положение представляется истинным не только с точки зрения одного лишь описания, но и методологии.

В данной связи показательны два метода - гуманистического конструкционизма и морфогенетического подхода. Гуманистический конструкционизм предлагает новый методологический подход, согласно которому общественная реальность понимается как "четко организованная совокупность исторических конструкций, то есть результатов постоянной и повседневной деятельности человеческих существ по "конструированию" и "реконструированию"" [Cesareo, Vaccarini, 2006: 19]. Стало быть, общественные процессы всегда рассматриваются с исторической точки зрения, которой

они непременно обусловлены. Речь идет о подходе, который перекликается с идеей Вебера относительно необходимости сделать живой и конкретной тесную связь, существующую между историей и социологией. Тем самым станет возможным выявление не только характерных черт общественных процессов, но и возникнут условия для плодотворной интеграции двух исследовательских подходов.

С точки зрения вклада в методологию, сделанного этими двумя социологами, гуманистический конструкционизм нацелен на то, чтобы вновь придать значимость, стратегическую с позиций социологического исследования, принципу историзма в анализе общественных явлений. Во-первых, это означает, что социология должна принимать во внимание историческую составляющую общественных явлений и, как следствие, считаться с самой историей как научной дисциплиной. Она может, однако, всего лишь ограничиваться рассмотрением одной только исторической стороны дела, не придавая значения самой дисциплине. Во-вторых, используя средства гуманистического конструкционизма, становится возможным детализировать самым что ни на есть конкретным образом способы применения критериев познания, составляющих идеальные типы. Иными словами, появляется возможность тщательного отбора в процессе применения парадигм и их проверки на предмет надежности в эмпирическом плане в том историческом контексте, в котором они применяются.

Другой примечательный научный вклад, отличающийся стройностью и глубиной мысли, принадлежит Маргарет Арчер. Хотя в данном случае не представляется возможным описать морфогенетический подход, тем не менее уместно упоминание об этой теории, которая, как уже говорилось, противостоит взглядам на общественную организацию, предложенным Гидденсом. Как утверждает Арчер, с того момента, как действие и структура признаны двумя сущностями, отличными одна от другой и разделенными между собой в онтологическом смысле, они должны рассматриваться по отдельности и с методологической точки зрения. Чтобы такое стало действительно возможным, Арчер наделяет особым значением временное измерение общественных процессов, которое понимается как совокупность различных отрезков времени, разделенных между собой. В отличие от Гидденса время понимается ею не как нерасчлененный континуум, не как аморфная неопределенность, в которой просто происходят какие-то события, а как временная последовательность, где на разных отрезках времени можно уловить возникновение структуры и действия.

Как практическое дополнение к реальному взгляду на общество морфогенетический подход основан, следовательно, на тех предпосылках, согласно которым временное различие кладется в основу при анализе связки "действие-структура": "Структура в силу необходимости *предшествует* действию (или действиям), которое ведет к воспроизводству прежнего уклада или к его преобразованиям. Становление структуры, опять же в силу необходимости, *следует* за последовательностями действий, которые ее породили" (курсив мой. - Г. Дж.) [Archer, 1997: 27].

Отсюда следует, что для достижения различия между действием и структурой, в результате чего выявляется существующее между ними взаимодействие, необходимо проводить различие между "до" и "после". По мнению Арчер, структура предшествует действию, поскольку она, хотя и выстроенная с началом действия, состоит из людей, не являющихся ее современниками, а живших в прежние времена. Для понимания сущности структуры необходимо, стало быть, обратиться к рассмотрению действий тех, кто жил прежде. Только обращая взгляд в прошлое, можно обрести представление о структурах, существующих в настоящем: "Мы можем создавать теории непрерывного возникновения самых сложных явлений при условии, что мы считаем их разведенными во времени, что мы ясно различаем предшествовавшее и то, что за ним следовало в этой цепочке последовательностей, а в особенности, если мы следуем принципу различия между теми условиями, которые предшествовали, и сегодняшними действиями" [ibid.: 163].

Двойственность при анализе, когда действие и структура рассматриваются по отдельности, основывается, следовательно, на признании историзма общественных процессов, внутренне им присущего.

Некоторые заключительные соображения. Признавая любые возможные различия, а вместе с тем полную самостоятельность и неотъемлемые отличительные признаки каждой дисциплины, есть основания признать, что социология и история могут выполнять взаимодополняющие функции. Средствами социологии можно достичь объяснения исторического события. Средствами истории можно получить подтверждение социологической теории. Были рассмотрены отношения на основе взаимного обмена, установленные между двумя равноправными дисциплинами. Этот тип отношений выявил свои преимущества, предоставив, пусть частичную, но все-таки возможность "многослойного" объяснения общественной реальности. Тогда как использование познавательных средств только одной дисциплины позволило бы в силу обстоятельств получить куда как более суженное представление о предмете исследования.

В свете всего этого уместно полагать, что, преодолевая опасения, навеянные часто возникающими созвучиями между соответствующими областями и методами научного исследования, социологи и историки смогли бы извлечь существенные выгоды из совместного использования двух дисциплин. На вопрос о том, являются ли исторические факты и факты общественной жизни двумя одинаковыми или разными категориями, в данном случае можно ответить, что они могут в равной степени присутствовать в одном и том же факте или явлении и что возможность рассматривать один и тот же предмет исследования с использованием обоих подходов расширяет и дополняет возможности его объяснения.

Одновременно иметь черты сходства и различия - это свойство влечет за собой риск того, что цель их совместного использования может иметь сугубо конъюнктурный характер, сводящийся к употреблению одной дисциплины в корыстных интересах другой. Здесь же отстаивается точка зрения, согласно которой эти междисциплинарные отношения должны строиться на основе уважения эпистемологической и методологической самостоятельности каждой, что послужит условием интеграции двух имеющих один и тот же предмет исследования дисциплин ради совершенствования процесса познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abrams P.* Sociologia storica. Bologna, 1982.
Anderson M. Family structure in Nineteenth Century. Cambridge, 1971.
Archer M.S. The Social Origins of Educational System. London, 1979.
Archer M.S. La morfogenesi della società. Una teoria sociale realista. Milano, 1997.
Carr E.H. Sei lezioni sulla storia. Torino, 1966.
Cesareo V., Vaccarini I. La libertà responsabile. Soggettività e mutamento sociale. Milano, 2006.
Coleman J.S. Fondamenti di teoria sociale. Bologna, 2005.
Dizionario di sociologia / a cura di F. Demarchi, A. Ellena. Milano, 1976.
Erikson K.T. Streghe, eretici e criminali. Roma, 2005.
Foucault M. Storia della follia. Milano, 1963.
Foucault M. La volontà di sapere. Milano, 1988.
Foucault M. L'uso dei piaceri. Milano, 1991.
Foucault M. Sorvegliare e punire. La nascita della prigione. Milano, 2005.
Gallino L. Dizionario di sociologia. Torino, 2004.
Giaccardi C., Magatti M. L'io globale. Dinamiche della socialità contemporanea. Roma; Bari; Manduria, 2003.
Giddens A. Central Problems in Social Theory. London, 1979.
Goldthorpe J.H. The relevance of history to sociology // Cambridge Opinion. 1962.
Magatti M. Libertà immaginaria. Le illusioni del capitalismo tecno-nichilista. Milano, 2009.
Morin E. I sette saperi necessari all'educazione del futuro Milano, 2001.
Skocpol T. States and Social Revolutions. Cambridge, 1979.
Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge, 1994.
Thomas W.I., Znaniecki F. Il contadino polacco in Europa e in America. Torino, 1968.